

Психоанализ, феноменология и интонации умолчания

Младен Долар. *Голос и ничего больше* / Пер. с англ. А. Красовец. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. — 384 с.

Что дают мне расслышать? Им надо, чтобы я прислушался,
наострил уши. Но к чему, в какую сторону должен я обратить
свой слух?

Жан-Люк Нанси¹

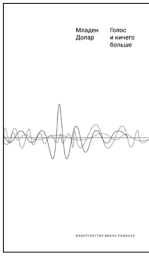
ПОЛАГАЮ, издание книги «Голос и ничего больше» важно как минимум по двум причинам. Во-первых, на русский язык переведена самая объемная работа словенского философа Младена Долара, а во-вторых, это один из немногих текстов, концептуально осмысляющих взаимоотношения между философией и звуком. Долар пишет о голосе, но особую роль для него играют *звучание* и *слушание*. Более того, именно проблема взаимоотношений между голосом и звуком оказывается здесь самой захватывающей, но одновременно порождает больше всего вопросов к этому тексту.

В последние годы область звуковых исследований (*sound studies*) перестала восприниматься как экзотическая дисциплина, однако для философского ответа на вопрос о том, что значит мыслить звук, только начинается поиск формулировок. До выхода книги Долара едва ли не единственным философом, серьезно обратившимся к этой теме, оставался Жан-Люк Нанси, чье эссе «Вслушивание» было издано в 2002 году². Сложно не обратить внимание на то, что работа Нанси мельком упоминается Доларом лишь в одной сноске. С этим игнорированием еще предстоит разобраться, но сперва — несколько слов о структуре и основных тезисах работы.

Книга Долара, предваренная подробным предисловием Виктора Мазина, состоит из семи глав. Первые пять последовательно анализируют различные аспекты голоса, а именно: его лингвисти-

1. Нанси Ж.-Л. «Есть» и «нет» в применении к сексуальным отношениям / Пер. с фр. А. Черноглазова // *Сексуальные отношения?* СПб.: Алетей, 2011. С. 27.

2. Nancy J.-L. *À l'écoute*. P.: Galilée, 2002.

ку, метафизику, «физику» (связь голоса с телом), этику и политику. Еще две главы, посвященные голосам Фрейда и Кафки, оказываются чем-то вроде приложения, впрочем (учитывая психоаналитическую оптику этой работы) не менее важного, чем «основной текст».

Если принять, что в этом фундаментальном исследовании можно выделить центральную идею, то я предпочел бы указать на мысль о голосе как точке расщепления бессознательного и сознания, бессмыслицы и смысла. Доллар возводит это раздваивание к древнегреческим корням:

... все, кажется, проистекает из этого глубокого разрыва между *phone* и *logos*, вопреки тому факту, что сам *logos* всегда погружен в голос (235).

Доллар указывает и на связь оппозиции *φωνή/λόγος* с областью (био)политики, открывающей подробно проанализированное Джорджем Агамбеном противопоставление *ζωή* и *βίος* — природной жизни как формы бытия и культурно-социальной организации.

Начинается книга с привычного для *sound studies* противопоставления визуального и слухового, постепенно перемещающегося на философскую территорию и открывающего пространство для полемики с грамматологическим проектом Жака Деррида. Вопреки взгляду на историю метафизику как на последовательное предпочтение истины голоса перед двусмысленностью письма (символом которой для Деррида стал платоновский «фармакон»), Доллар указывает на возможность противоположного понимания тех же самых философских событий. «Существует другая история метафизику голоса, в которой голос, далекий от того, чтобы быть гарантией присутствия, рассматривался как опасный, угрожающий и, возможно, даже губительный» (122). Внезапно голос раскрывается не как провозвестник истины и смысла, а как тревожная, опасная неясность. Доллар представляет обширный экскурс в традицию подобного неприятия голоса, восходящую опять же к Платону, благодаря которому история Запада оказалась связана прежде всего с полем зрения, а вовсе не речи. (К слову, существует и еще более ранний источник, который вполне может претендовать на роль эпиграфа к философскому «окулоцентризму»: слова Гераклита «глаза — более точные свидетели, чем уши»³.) Важно, что этот приоритет визуального перед слуховым,

3. Фрагменты ранних греческих философов / Пер. с др.-греч. А. Лебедева. М.: Наука, 1989. Ч. 1. С. 191.

по мнению Долара, сохраняется и в феноменологической редукции Эдмунда Гуссерля, которая представляет собой «систематическую попытку выделить чистый взгляд как то, что конституирует объективность»⁴.

Итак, Долара интересует «голос за пределами логоса, анархический голос», который всегда будет выпадать из поля фонологии, потому что у лингвистики отсутствует методология для его освоения (127). Фонему

...никогда нельзя будет полностью обуздать при помощи простой прозрачной матрицы дифференциальных оппозиций, о которой грезил де Соссюр... <...> Проблема заключается в том, что после этой операции всегда остается остаток, который не может трансформироваться в означающее или исчезнуть в смысле (82–83).

Здесь можно вспомнить и о том, что не существует голосов и звуков без тембра, но при этом строго научного определения *тембра* не существует.

Самую впечатляющую мысль книги Долара можно переформулировать следующим образом: главный инструмент коммуникации постоянно открывает путь к соскальзыванию в докоммуникативное. Однако как раз это прибавочное, невысказываемое, но слышимое ничто — остаток, не учтенный фонологией, — и является самым существенным для понимания природы голоса, который полностью не принадлежит ни *φωνή*, ни *λόγος*, но существует как точка их расщепления. Здесь Долар активно задействует концепты Жака Лакана (прежде всего — *объект маленькое а*), и на этой территории психоаналитические аргументы работают весьма убедительно. Но в то же время эти выводы книги довольно предсказуемы для читателя, знакомого с психоаналитической теорией Лакана:

Существует излишек голоса во внешнем виде его прямого, беззащитного перехода во внутреннее; и есть излишек голоса, исходящего изнутри, который раскрывает слишком много всего отличного от того, чего бы нам хотелось (191).

Эта интонация умолчания, этот ничтожный избыток, восходящий у Лакана к античному атомизму⁵, и является подлинным ге-

4. Долар М. Анаморфоза / Пер. с англ. Я. Микитенко // Десять текстов. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 148.

5. Любопытна аналогия с творчеством Сэмюэла Беккета, одним из «источников вдохновения» для которого также была досократическая философия.

роем повествования Долара: «Внутри слышимых голосов находится неслышимый, так сказать, беззвучный голос» (177). Впрочем, этот избыток постоянно проявляется в виде *φωνή*, противостоящего *λόγος* и принимающего подчас самые причудливые облики — от неконтролируемого смеха до детского лепета. Голос снимает дистанцию, он проходит сквозь слушающего. Отсюда многочисленные параллели Долара с мелодией, музыкой и, наконец, просто звуком, который противится переводимым смыслам.

Бессознательное говорит голосом, «который *вовсе не структурирован как язык*» (175), и рядом с языком-структурой возникает тень, которую Лакан называл *йязыком* (*lalangue*). Речи как инструменту коммуникации начинает противостоять ее двойник, который, «производя смысл, всегда создает нечто большее, чем обеспечиваемый смысл, его звуки превосходят свой смысл» (307). Подобные мысли можно обнаружить в работах Мартина Хайдеггера, и здесь нужно вспомнить о том, что они оказали Лакану важнейшую помощь в понимании природы языка⁶. Да и некоторые мысли самого Долара выглядят почти хайдеггерианскими: «Все, что мы можем сказать, весит слишком мало по сравнению с молчанием» (321). Однако Долар никогда не отказывается от инструментария Фрейда и Лакана, подчеркивая его эффективность для рассматриваемой темы, ведь голос всегда играл в психоанализе особую роль. В каком-то смысле психоанализ — это и есть голос.

Особое внимание автора привлекает речь без источника, или «акусматический голос» (он использует терминологию одного из самых известных в области звуковых исследований авторов — Мишеля Шиона, который, в свою очередь, позаимствовал это понятие у композитора Пьера Шеффера⁷). В связи с этим До-

В тексте *Worstward* Но демокритовское *δεν* присутствует в виде *unnullable least* — «необнуленного наименьшего», если воспользоваться переводом Валерия Молота. «Почти ничто? Именно это „почти“ оказывается главной проблемой», — пишет Долар в статье о Беккете (см.: *Dolar M. Nothing has Changed // Filozofski vestnik. 2005. № XXVI. P. 148; Беккет С. Худшему навстречу // Дальше никак / Пер. с англ. В. Молота. [Б.м.]: Blurb, 2010. С. 91).*

6. С проблемами речи и языка традиционно связывают поздние работы Хайдеггера, но вот показательная цитата из лекций, прочитанных еще в конце 1920-х гг.: «Звучание слова не есть знак некоего значения, подобно тому как указатель пути есть знак направления» (*Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Пер. с нем. А. Чернякова. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. С. 271).*
7. Шион является, пожалуй, важнейшим автором в области *sound studies*, рассматривающим проблемы звука и мышления, вплотную приближен-

лар много пишет о голосе ветхозаветного Бога и голосе матери, который слышит нерожденный младенец. При этом один из примеров, на которых останавливается Долар, несколько «компрометирует» приведенные выше выводы и заставляет вспомнить работы Деррида. Речь об эпизоде из романа Марселя Пруста «У Германтов», в котором герой изумляется, впервые услышав в телефонной трубке голос бабушки, как бы отделенный от нее и не нуждающийся в присутствии живого человека. Долар описывает эту автономию звучащего голоса как ту самую точку расщепления на реальное присутствие и зов тотальной неясности, которую в действительности можно обнаружить, вслушавшись в любой голос. Но любопытно, что как раз этот эпизод может быть проанализирован в дерридианском ключе: техника предстает здесь как эффект письма, и именно «записанный» голос оказывается гиперреальным⁸. Собственно, звукозапись, быть может, самый показательный случай смещения границы между *φωνή* и *γράφια*.

Психоанализ, техника и письмо — это общеизвестный сюжет, однако Долар в этом случае не дает никаких комментариев. При этом в других главах он жестко разделяет «живую» и «записанную» речь, и главной причиной сохранения этой границы служит психоаналитическая оптика:

... психоанализ — одна из тех вещей, которая реализуема исключительно посредством *viva voce*, живого голоса, в живом присутствии анализируемого и аналитика. Их связь — это связь голоса (анализ в письменной форме или даже по телефону никогда не будет работать) (269).

Именно по этой причине проблема звукозаписи оказывается периферийной для Долара: серьезный разговор на эту тему, возможно, потребовал бы если не переписывания главы о метафизике голоса, то как минимум внесения в нее важных корректив. Вполне закономерно и то, что он никак не комментирует практику телефонных консультаций у Фрейда и интерес основоположника пси-

ные к вопросам философии. Характерно, что у Нанси единственным процитированным «звуковым исследователем» также оказывается именно Шюон. Кстати, его главная работа лишь совсем недавно была переведена на английский: *Chion M. Sound: An Acoulogical Treatise / J. A. Steintrager (trans.). Durham; L.: Duke University Press, 2016.*

8. Позволю себе сослаться на текст, в котором эта тема проанализирована подробнее: *Рясов А. В. О грамματοлогии голоса: речь и письмо в пространстве литературного текста // Новое литературное обозрение. 2017. № 148. С. 29–36.*

хоанализа к звукозаписи⁹. «Лишь голос, который абсолютно молчалив, может перекрыть все другие голоса», — неоднократно подчеркивает Долар (207). Тем любопытнее обратить внимание на его собственные умолчания, ведь недосказанность, недомолвка, молчание — это не посторонние для психоанализа (и, разумеется, для самого Долара) сюжеты¹⁰.

Еще одна цитата:

Резонанс — это место голоса, который вовсе не является первичным данным, втиснутым в шаблон означающего, это продукт означающего как такового, его собственный Другой, его собственное эхо, резонанс его вмешательства. Если голос подразумевает возвратность, в той мере, насколько его резонанс возвращается от Другого, то это возвратность без я — подходящее название для обозначения субъекта (333).

Эта мысль предстает как последовательное продолжение сказанного ранее, но любопытно, что Долар здесь вплотную приближается к проблеме, которую на несколько лет раньше него поднял Жан-Люк Нанси, оттолкнувшись (что примечательно) от тех же самых мыслей Лакана об отзвуке и резонансе. Только у Нанси в теме расщепления звука и смысла совсем иначе расставлены акценты: он размышляет о том, что любой отзвук — это в конечном счете «резонанс бытия», но одновременно и «бытие резонансом». Иными словами, подлинное вслушивание — еще и нечто вроде становления звуком. Но именно поэтому вслушивающийся субъект для Нанси — это не субъект психоанализа и даже не феноменологический субъект: «возможно, это вообще не субъект, а лишь место резонанса»¹¹. Ориентации на объект и указанию на неуничтожимую дистанцию здесь противопоставлено сли-

9. Впрочем нужно заметить, что позже Долар посвятил этой теме отдельную статью, в настоящее время опубликованную только на словенском языке: *Dolar M. Telefon in psihoanaliza // Filozofski vestnik. 2008. № XXIX (1). P. 7–24.*

10. Поиск всякого рода умолчаний можно даже назвать профессиональным интересом Долара как философа. Вот еще одна весьма характерная цитата: «Спиноза — самый радикальный метафизик и именно поэтому некто, кто часто отходит от стандартных образов, — нет ничего удивительного, что Хайдеггер не нашелся что сказать в его адрес» (222). Замечу, что это заявление излишне категорично, учитывая, что Хайдеггер неоднократно обращался к работам Спинозы в своих лекциях о Шеллинге (*Heidegger M. Schelling: Vom Wesen der menschlichen Freiheit (1809) // Gesamtausgabe. Fr.a.M.: Klostermann, 1988. Bd. 42.*)

11. *Nancy J.-L. Op. cit. P. 45.*

ние со звуком. По сути, перед нами два разных способа анализа одной и той же проблемы, обнаруживающие при этом ряд важных пересечений.

Наверное, полное отсутствие ссылок на эссе Нанси было бы менее абсурдным, чем его упоминание в крохотной сноске и по весьма анекдотичной причине: в качестве источника для цитаты из Агамбена. Между тем ссылка на высказывание итальянского философа приведена в работе Нанси как раз после фрагмента о субъекте и резонансе. Это упоминание автора, чей текст «Заглавие буквы» в свое время был удостоен восторженного отзыва Лакана, выглядит в книге Долара демонстративным курьезом. Намеренно это или случайно, но подобную лакуну нельзя воспринять иначе, чем как указание на то, что в разговоре о голосе, звуке и вслушивании без Нанси вполне можно обойтись.

Желание Долара представить феноменологию как разновидность «окулоцентризма» действительно удивляет. И если игнорированию разрозненных записей Гуссерля о звуке можно пытаться найти какое-то объяснение, то молчание о Нанси, концептуально проанализировавшем взаимоотношения между голосом, звуком и философией, оказывается весьма рискованным. Примечательно, что, несмотря на критику феноменологического субъекта и интенциональности, эту работу, безусловно, можно определить как постфеноменологическую: стиль мышления, когда-то предложенный Гуссерлем и Хайдеггером, обнаружил внушительный потенциал для разговора о вслушивании в звук. Ультрафеноменология Нанси проявляется в желании заключить в скобки не только психологию (и, разумеется, психоанализ), но и самого феноменологического субъекта. Однако одновременно «Вслушивание» стало новым поводом задуматься о прочной связи между феноменологией, деконструкцией и фундаментальной онтологией. Размышляя о голосе, просто невозможно не заметить эту книгу, написанную к тому же внимательным читателем Лакана. Впрочем, разве отсутствие цитат из той или иной работы может стать упреком для философского текста? Или же «забыть» о Нанси — это нечто большее, чем несовершенство библиографического списка? Может быть, перед нами что-то вроде икоты Аристофана в платоновском «Пире»?

Благодаря книге «Голос и ничего больше» становится ясно, что диалог между психоанализом и феноменологией (или, точнее, философами, избирающими соответствующую методологию) по-прежнему остается весьма проблематичным. В каком-то смысле это может напомнить ситуацию столетней давности, когда пер-

вые эссе Сартра еще не были изданы¹². Объявить эту аналогию малозначимой условностью мешают встречающиеся в книге Долара фразы вроде «феноменология рискует превратиться в фантомологию» (166) или упреки в адрес Мориса Мерло-Понти, который писал о сексуальной травме «без отсылки к Фрейду» (285). Безмолвствуя о Нанси, Доллар демонстрирует, что в исследовании о голосе можно легко обойтись без рецидивов феноменологии, потому что психоаналитический инструментарий куда больше подходит для этого разговора, более того, он идеален. Несмотря на насыщенность книги всевозможными аллюзиями и отступлениями, именно эта непоколебимая уверенность в тотальности теории психоанализа в какой-то момент дает сбой, а цитаты из Фрейда начинают казаться, скажем так, не всеохватными — весьма подробного комментария удостоивается, например, небезызвестный сюжет из «Введения в психоанализ»: «Тиканье часов можно сравнить с пульсацией клитора при половом возбуждении» (278–294).

В разговоре о сонорной составляющей голоса Доллар приводит много сравнений с музыкой и шумом, но на этой территории психоаналитический инструментарий уже не производит столь впечатляющего эффекта. «Проблема пения (и шире — музыки) заключается в том, что оно пытается превратить путь в цель, объект влечения оно принимает за объект непосредственного наслаждения и именно поэтому не достигает его» (179) — подобные пассажи вызывают ощущение странной тесноты. Характерно, что Славой Жижек, знаменитый коллега Долара по люблянской Школе психоанализа, в своих размышлениях о шумовых эффектах в фильмах Линча называет низкочастотный гул голосом¹³. Иными словами, в психоаналитическом дискурсе звук представляется едва ли не частным случаем голоса. Но так ли это? Большинство выводов Долара нельзя назвать безосновательными, но неужели нет никаких шансов написать хотя бы несколько страниц о звуке без употребления слов «означающее», «структура», «желание», «наслаждение», «кастрация»? В свое время Поль Рикёр заметил относительно методологии психоанализа, что, «как бы при этом ни ущемлялась феноменология, вопросы, которые здесь вновь

12. Более подробный исторический экскурс можно найти в текстах Герберта Шпигельберга (см., напр.: *Шпигельберг Г. Феноменология в психоанализе* / Пер. с англ. О. Власовой // *Логос*. 2006. № 6 (57). С. 167–183).

13. *Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии* / Пер. с англ. С. Щукиной. М.: Дело, 2014. С. 90.

возникают, являются сугубо феноменологическими»¹⁴. Впрочем, однажды у Долара встречается упоминание ситуаций столкновения логоса с «до-логосом», которые «нуждаются в феноменологии и более детальном анализе» (238), но, увы, этот тезис не получает никакого развития (сопоставимого, например, со статьей о возможности взаимодействия гегельянства и фрейдизма¹⁵).

Голос, воплощенный в разрыве *φωνή* и *λόγος*, усложняет саму эту оппозицию и даже делает ее почти условной, но при этом Долар не может обойтись без звуковых примеров, вплотную приближаясь к шуму, гулу и музыке, чтобы снова вернуться к голосу. Таким образом, второстепенным здесь оказывается не вопрос о звукозаписи, а сама проблема *φωνή* за пределами *λόγος*: на место *lalangue* здесь будет снова и снова возвращаться бессознательное, структурированное как язык. Область расщепления и ускользания превращается в уютный кабинет психоаналитика, а звук и «анархический голос» шаг за шагом вписываются в привычную модель для сборки. Формально направленный на излечение пациента (или, вернее, — на «примирение» с неврозом) психоаналитический сеанс тяготеет к бесконечному говорению, порой напоминая процесс из одноименного романа Кафки. Этот механизм можно заводить множество раз, чтобы прослушать одну и ту же мелодию. Разве что с каждым разом придется делать это все аккуратнее, потому что иначе аппарат рискует превратиться в горстку ржавых деталей. Здесь как будто дает о себе знать граница, в свое время четко обозначенная Хайдеггером: обращаясь к неисчислимости бессознательного, психоанализ не выходит за пределы парадигмы модерна и Просвещения, привилегированности статуса субъекта и принципа измеримости мира. Казалось бы, в адрес таких изощренных интерпретаторов Лакана, как Долар, подобные претензии выглядят нелепыми, ведь проблематизированный здесь субъект — это уже не декартовский владетель природы, а ускользающий от самого себя механизм расщепления, скрытый от феноменологов. Однако вот характерное признание из его интервью: «Фрейда я считаю представителем и продолжателем проекта Просвещения, который осуществил огромный рывок в деле развития логики как оружия разума против мракобесия»¹⁶. По-

14. Рикёр П. Конфликт интерпретаций / Пер. с фр. И. Вдовиной. М.: Академический проект, 2008. С. 160.

15. Долар М. Гегель и Фрейд / Пер. с англ. М. Алюкова // Десять текстов. С. 109–143.

16. Фанайлова Е. Н. Маркс против Гитлера. Интервью с Младеном Доларом // Радио «Свобода». 24.12.2014. URL: <https://www.svoboda.org/a/26754503.html>.

жалуй, в этой системе координат, существующей на границе «на-
турализации и культурализации»¹⁷, тезисы о слушателе как про-
странстве для резонанса вряд ли будут восприняты иначе, чем
мечтательные феноменологические метафоры, бьющие мимо «ра-
дикальной субъективности».

Жижек на обвинения в детерминизме обычно отвечает сле-
дующим образом: сегодня необходимо быть последовательным
лаканианцем, ведь к концу XX века нападки на *subjectum* стали
настолько общим местом, что настало время «заново утвердить
картезианского субъекта»¹⁸. Учитывая, что психоанализ начинал
с критики субъекта, а феноменология — с его утверждения, сам
по себе этот переворот не лишен интереса, но терминологические
«упреки» и «реабилитации» угрожают превратиться в дурную бес-
конечность. Парадоксальность ситуации усиливает и тот момент,
что эти взаимоотношения вполне вписываются в логику «парал-
лаксного разрыва» — понятия, активно используемого Доларом
и Жижекком. Не-встреча психоанализа и феноменологии обуслов-
лена именно их слишком прочной взаимосвязью.

Впрочем, чтобы не завершать диссонансом, нужно вспомнить
о том, что в своей статье о прикосновении, вышедшей через два
года после англоязычного издания книги о голосе, Долар уделя-
ет большое внимание теории Мерло-Понти и даже, «отдавая дань
уважения» (!), упоминает книгу Нанси «Тело»¹⁹. Диалог между
психоанализом и феноменологией еще не завершен, и, быть мо-
жет, именно звук и голос окажутся главными поводами для его
возобновления.

Анатолий Рясов

17. Долар М. О культуре и влечениях / Пер. с англ. Я. Микитенко // Десять тек-
стов. С. 237.

18. Жижек С. Указ. соч. С. 24.

19. Долар М. Не прикасаться! / Пер. с англ. К. Саркисова // Новое литератур-
ное обозрение. 2013. № 119. С. 41. В переводе, опубликованном в сборни-
ке «Десять текстов», отсутствуют имеющиеся в одном из заключительных
абзацев слова: *to quote Nancy, in a last minute homage (Dolar M. Touching
Ground // Filozofski vestnik. 2008. № XXIX (2). P. 99).*